

ВЕДОМОСТИ

Алексей Улюкаев ищет выход из мирового кризиса

В своей новой книге он приходит к выводу, что кризис — это сигнал о том, что ход истории изменился, что прежняя модель развития зашла в тупик и что из кризиса нет возврата назад

[Ольга Кувшинова](#)
[Vedomosti.ru](#)

13.06.2014

На встречу с министром экономического развития [Алексеем Улюкаевым](#) под вечер первого дня IX Московского международного открытого книжного фестиваля в Центральном доме художника собрались несколько десятков человек. Министр немного задерживался, и собравшиеся могли в ожидании полистать книгу — «анализ дисбалансов, возникших в глобальной экономике и угрожающих полной разбалансированной сложившегося экономического порядка», как следовало из аннотации. «Как приятно видеть столько читающей молодежи», — порадовался один из гостей. Презентация книги Улюкаева «Болезненная трансформация мировой экономики» и стала поводом для собрания. Спустя шесть лет после кризиса мир из него так и не вышел, а после выхода уже никогда не будет прежним, следует из книги.

Потому и название книги такое, объяснил, начав презентацию, Улюкаев. «Проблема не столько в том, почему возникают кризисы, как их переживают экономики и как из них выходят, а в том, что кризис — это сигнал, что ход истории изменился, что прежняя модель развития зашла в тупик и что из кризиса нет возврата назад. Это не вполне циклический элемент, когда после спада — подъем и снова жизнь в прежней парадигме: это другая жизнь, другая реальность, другая парадигма, другие вызовы», — рассказал автор.

Трансформация произошла и с ним самим: книгу он писал, будучи первым заместителем председателя Центробанка и представителем от России в Совете финансовой стабильности «Большой двадцатки», и к тому, что написал Улюкаев-центрбанкир, Улюкаев-министр экономики добавил бы еще многое, признался он. «Как говорят англичане, we stand where we sit: на каком стуле сижу, такая и философия», — заметил Улюкаев.

Бюрократический ответ

Прежняя модель роста основывалась на двух полюсах. Один — быстрое догоняющее развитие emerging markets, которые за счет дешевого труда быстро наращивали экспорт, накапливая профицит торгового баланса. Второй — развитые экономики, которые благодаря хорошей финансовой репутации привлекали капиталы и импортировали товары и услуги из развивающихся стран. И развивали [финансовые](#)

инструменты, призванные сглаживать накапливающиеся противоречия и хеджировать риски. Кризис показал, что риски спрятать нельзя.

«Теперь мир должен искать новые ответы», — продолжал автор. Самым первым решением стало усиление госрегулирования банковской и финансовой сфер, чему и посвящена книга: оказалось, что «провалы рынка» не менее болезненны, чем «провалы государства». Ужесточение регулирования — это такой простой и бюрократический ответ на проблему, и он был оправдан, считает Улюкаев. Но, посидев на «другом стуле», знает, что чрезмерное регулирование может быть накладным: «Зарегулирование — и национально, и глобально — это всегда вычет из экономического развития, вычет из экономического роста».

Проблема роста осталась и обострилась: темпы роста двух полюсов стали сближаться. Из-за роста издержек развивающиеся рынки уже не могут завоевывать новые торговые ниши и, как прежде, быстро накапливать экспортные сверхдоходы в суворенных фондах, а развитые страны уже не могут жить за счет разницы в издержках. Все это, с одной стороны, сокращает прежние дисбалансы, с другой — ведет к той самой «болезненной трансформации» прежнего миропорядка. Как гласит академически не признанная теория сближения географических полюсов Земли, сей процесс сопровождается крупномасштабными катастрофами — поднятием морского дна и ухода суши под воду. Что-то подобное происходит и в мировой экономике: в развитые страны возвращается производство, развивающимся предстоит формировать новую экономическую структуру и институты — а это долго и болезненно. Приходится делать и много «академически непризнанного» (пример — установленные Европейским центробанком отрицательные процентные ставки по депозитам). Раньше за подобное подвергли бы даже не критике — а осмеянию, сравнил Улюкаев: «Очень хорошая вещь — принципы, но если принципы и правила приходят в столкновение с реальной жизнью, значит, все-таки, скорее, надо отвечать на вызовы реальной жизни. Отказ от принятых парадигм, от, казалось бы, азбучных истин требует большого внутреннего труда и тоже сопровождается болезненными трансформациями, которые проходят, в том числе, и внутри каждого из нас».

Реиндустриализацию развитых стран не надо понимать вульгарно — это не про домны и мартены, уточнил ректор РАНХиГС и член попечительского совета Института Гайдара, издавшего презентуемую книгу, Владимир May. Новые технологии на западе создают производства, в которых дорожающий труд уже не столь значим. Усиление госрегулирования тоже не стоит воспринимать как возвращение жестких рамок, отмененных в период предыдущей глобальной трансформации 1970-х. «Речь не об ужесточении регулирования, а о том, как обеспечить глобальную координацию при отсутствии мирового правительства», — считает May. Странам приходится решать разные задачи, отметил он: Китаю и Германии важно думать об усилении розничного спроса, южной Европе — об усилении экспорта, России — о диверсификации торговли и рисках стагфляции.

Улюкаев-министр тоже не мог не обратить внимания на то, чему оно не было уделено в книге Улюкаева-центробанкира: проблеме экономического роста России. Он больше не может основываться на экспорте ресурсов — из-за ограниченности роста стран, предъявлявших на эти ресурсы спрос; не может основываться и на потреблении — поскольку оно сопряжено с высокими издержками для работодателей. «Для России исходная ситуация — это инвестиционная модель. Отсюда и все то, что может каким-либо образом способствовать развитию инвестиций: и климат предпринимательский, и расшивка узких мест — производственная инфраструктура, проектное

финансирование, поддержка [несырьевого] экспорта, развитие малого предпринимательства», — вкратце перечислил министр свои новые задачи и предложил перейти к вопросам из зала.

Инвестиции по-марксистски

Читающую публику тоже интересовало в основном то, о чем не написано в книге. Например, куда лучше вкладывать средства нацфондов — в иностранные госбумаги под низкий процент или в рискованные инвестиционные проекты внутри экономики, поинтересовался один из гостей. Куда ни вкладывать — все равно риск, указал на парадокс Улюкаев: «Когда вы пускаете деньги в оборот — вы рискуете, когда не пускаете — вы тоже рискуете: накопление денег — тоже риск. Современная экономическая и [финансовая система](#) примечательна тем, что в ней не осталось надежных активов: раньше суверенный долг считался абсолютно надежным — этого больше нет».

Из двух задач, которые был призван решать стабфонд — фискальную и макроэкономическую — вторая более не актуальна. Стабфонд сберегал «шальные» нефтедоходы, чтобы обеспечить обязательства бюджета, когда внешняя конъюнктура ухудшится, — эту роль может продолжать выполнять [резервный фонд](#), считает министр. Макроэкономическая же задача состояла в том, чтобы абсорбировать «лишние» для экономики средства, не допуская перегрева в период ее и без того бурного роста. Продолжение такой политики в то время, когда экономика тормозит и находится ниже потенциально возможной траектории, — это сознательное уменьшение темпов экономического роста, считает Улюкаев. «У Маркса есть замечательный пассаж, что капиталист — это рациональный собиратель сокровищ, а собиратель сокровищ — это сумасшедший капиталист», — сравнил получивший марксистское [образование](#) министр. Фонд национального благосостояния (ФНБ) — не что иное, как форма существования национального актива, то есть нефти, дал он определение. Нефть можно оставить в скважине, но не факт, что будущим поколениям она пригодится именно в таком виде, — тогда, когда мировая экономика наконец завершит свою трансформацию, которая, как уже сейчас очевидно, сопровождается развитием ресурсосберегающих технологий и переделом энергорынка. То есть лучше нефть добыть и превратить в другой актив: иностранные гособязательства или инвестиционные проекты. ФНБ больше предназначен для второго, полагает Улюкаев. Таким образом, из двух зол наименьшим министр считает инвестиции в инфраструктуру.

Не перепутать

«А вы допускаете, что сами источники мирового экономического роста исчерпаны в принципе?» — вернулся от национальных проблем к глобальным следующий опрашивающий. Улюкаев напомнил, что еще в 1972 г. выходил нашумевший доклад Римскому клубу с концепцией «нулевого роста»: в 1970-х страны Европы и США переживали стагфляцию, вот и возникла идея, что росту — конец. Но потом мир как-то выкрутился. Нынешний кризис — структурный, как кризисы 1930-х и 1970-х, т. е. такой кризис, который ставит беспрецедентные вопросы и из которого мир выходит с новыми геополитическими балансами, новыми экономическими соотношениями, с новой экономической теорией, новой системой резервных валют, добавил Май. Словом, мир «тряхнет» еще неоднократно, прежде чем он обретет новую форму на очередные 40 лет.

Центральная проблема для России, мешающая ее развитию, — избыточное регулирование, продолжил министр в ответ на следующий вопрос: «У нас за прошлый год принято 24 000 нормативно-правовых актов разного рода — бизнес все это даже прочитать не в состоянии, не то что осмыслить, а еще и приспособиться надо. Вот это называется транзакционными издержками — они, по некоторым оценкам, сейчас составляют 30-35% всех издержек бизнеса, — такова плата за то, что наш брат-чиновник, руководствуясь, очевидно, благими намерениями, регламентирует избыточно. А издержки бизнес потом перекладывает на потребителя».

Представительница Союза писателей пообещала, что ее вопрос будет простым: «Как пенсионеру жить на 6000 руб., платя 4500 руб. за ЖКХ?» Министр заерзal еще до вопроса: всегда понятно, что на «простые вопросы» ответить, как правило, сложно. Средняя пенсия все-таки 11 000 руб., уточнил он и заверил, что будет сдерживать темпы роста тарифов ЖКХ — в этом году они впервые будут ниже инфляции, а не двузначные, как обычно. Писательница, не дожидаясь завершающей презентацию автограф-сессии автора, сама ему презентовала свою собственную книгу, сопроводив подарок просьбой о помощи. Министр задумчиво кивнул. Возможно, в этот момент он передумал трансформироваться дальше в писатели, если вдруг такая мысль у него была.

Журналистов, коих среди гостей была примерно треть, Улюкаев больше интересовал не как написавший книгу бывший центробанкир, а как бывший центробанкир и действующий министр, только что вернувшийся с совещания из Ново-Огарева. Там обсуждалось, в том числе, проектное финансирование с участием и средств ЦБ. Когда и как ЦБ выделит деньги на проекты? Правильно ли он таргетирует инфляцию? И, похоже, ЦБ как-то не слишком уверенно радеет за экономику — можно ли уже назвать происходящее ускорение инфляции при торможении экономики стагфляцией?

«Зачем вы меня ссорите с Эльвирой Сахипзадовной [Набиуллиной, председателем ЦБ]? Мы дружим», — отбивался Улюкаев от попыток пообсуждать политику ЦБ, напомнив, что работает в Минэкономразвития, а ЦБ — независимый. А по поводу стагфляции призвал не манипулировать терминами: «Знаю, ваш брат любит такое...» — упрекнул он окруживших его журналистов. «Это May сказал!» — тут же наябедничали журналисты. «Значит, он тоже ваш брат!» — заключил Улюкаев. May, стоявший за его спиной, попытался неразборчиво возразить. Улюкаев меж тем продолжил, что дело не в абсолютных цифрах инфляции и роста ВВП, а в динамике: «Стагфляция — это когда экономика, которая не имела высокой инфляции и не имела низких темпов роста, по каким-то причинам вошла в эту полосу. Нашей нынешней инфляции предшествовала еще более высокая, у нас экономика, в которой снижаются темпы роста и снижается инфляция. Это некий новый феномен, который в чем-то является новой реальностью». Риски же собственно стагфляции для России невысоки, заверил Улюкаев.

На вопрос о том, как определить достаточность госрегулирования, если его надо и ужесточать, следуя глобальной необходимости, и ослаблять, рассчитывая на запуск в стране инвестиционного роста, министр ответил перефразированной притчей: «Нужно иметь мудрость регулировать то, что должно регулироваться, дерегулировать то, что не должно регулироваться, и не перепутать первое со вторым».